Когда умерла мать, денег у Витьки совсем не осталось. Не на что было хоронить. Совсем ничего. А ведь зарабатывал он неплохо. Но у матери был рак. Несколько химий, два облучения, три операции. Вырезали у матери прямую кишку. Потом все по-женски. Потом еще кучу всего. Какие-то невероятные лекарства. Дорогие, бессмысленные… Но так хотелось Витьке вытянуть мать. Он любил ее больше всех на свете. Как себя любил. Проктолог из поликлиники, последний раз осматривая ее, вышел в коридор, закурил, сказал Витьке: «Не понимаю, как живет. Все сгнило внутри, все съедено. А сердце тянет. Просто пламенный мотор, а не сердце». Врач закашлялся от дыма. «А может, вытянем?» — спросил в который раз Витька. Проктолог посмотрел сквозь него. «Милый мой Сорокин, — сказал. Хотя фамилия у Витьки была Сиворин. Но проктолог всегда говорил так. Витька в который раз не поправил его. — Вы же взрослый человек, — врач резко посмотрел в Витькины глаза, — у вас высшее образование…»

Он бросил окурок на кафельный пол. Наступил на него. Пару раз повернул ступню правой ноги, тем самым показывая, что разговор окончен, как и жизнь матери.

Другой врач, шарлатан, лечил раковых больных селеном. Был у Витьки четыре раза. Каждый раз обкалывал мать и получал по пятьдесят баксов. Приехав в пятый раз, он вдруг не взял денег. Более того, достал полученные ранее двести долларов и вернул Витьке. «Не надо, — сказал Витька, — пробуйте дальше. Если умрет, я не буду винить». «Нет! — сказал мужик, — не помогло». Он с силой вдавил в Витькину ладонь деньги и быстро вышел вон.

«Совсем плохо», — понял Витька. Но, как ребенок, верил, во «вдруг». Ох, уж это «вдруг»… Эта вера в чудо! В особенности русская вера.

На другой день с утра пришла медсестра. За пятнадцать долларов она раз в день ставила капельницу матери. Капельница была из глюкозы. Мать уже месяц почти ничего не ела. Глюкоза была ее пищей. После капельницы мать оживала на пару часов. И Витька был счастлив. Медсестра минут пять поколдовала над матерью. Стала вдруг собираться и сказала:

— Дай ей умереть!

— Но, может… — начал Витя.

— Не может! У нее вена иглу не берет, выталкивает! Давление семьдесят на тридцать. Сегодня! Край — завтра утром!..

Денег она тоже не взяла.

Витька пошел к соседу-наркоману Сереге.

— Найди у матери сосуд, сделай капельницу, — попросил.

Серега сумел-таки найти на щиколотке ноги матери тонкую синюю жилку, в которую наконец вошла игла. Глюкоза пошла в кровь. Витьке показалось, что мать порозовела, но когда четверть содержимого капельницы ушло, сосуд вытолкнул иглу. И больше Серега не смог переломить ситуацию. Пятнадцать долларов он, впрочем, взял. «Пойду, закинусь, — сказал он, улыбаясь, и вдруг погрустнел и добавил: — спазм у нее, сосудов-то. Не надо больше, Вить! Отпусти…»

Вечером мать попросила чаю. Чая не оказалось дома. «Может, кофе, мама?» — спросил Виктор. «Я чаю хочу!» — почти крикнула мать. Витька вышел за чаем. Количество снега на улице

поразило. Был февраль. Начало. Асам, английский чай, крупнолистовой купил он. Пришел, заварил крепко, дал матери. Мать с удовольствием стала пить.

— Может, съешь что-нибудь, мама?

Мать странно улыбнулась. Витька обрадовался. Вышел в кухню. Стал искать в холодильнике что-нибудь вкусное. Услышал крик дочери. Она только что пришла посидеть с бабкой. Уронил то, что было в руках, вбежал в комнату. Мать полулежала-полусидела на кровати. Чашку она выронила. Чай пролился на одеяло. Мать как будто пыталась вздохнуть и не могла. Раз пять она странно открывала рот. Потом вдруг все в ней расслабилось. И подбородок упал на грудь. Витя вспомнил, что покойникам его подвязывают.

А туфли с погибших в автокатастрофе в момент смерти слетают. «Вот что значит полное расслабление», — подумал. Вспомнил своего педагога по вокалу. В юности Витька хотел быть певцом и брал уроки пения. «Челюсть нижнюю отбрось, как покойник!» — часто орал педагог. Витя никак не мог понять, о чем он. Понял наконец. Дочь опять закричала, на этот раз со словами:

— Она умерла!

— Не ори, — сказал Витька.

Подошел к матери, закрыл ей глаза: вспомнил, что так делают. Дочь плакала. Витька взял у нее сигареты. Сам он не курил. Вышел из квартиры в коридор. Оттуда в лестничный пролет. Открыл окно. Выкурил подряд, глубоко затягиваясь, три штуки. Стало тошнить, голова закружилась. Открыл мусоропровод, благо был рядом. Выблевал туда. Отдышался в окно морозным воздухом. Вернулся в квартиру и лег спать, упав лицом в подушку. Дочь он выгнал из квартиры, несмотря на ее просьбу вызвать врача и милицию — зафиксировать смерть. Через пять часов, проснувшись, вызвал, наконец, службы. Те долго мучили его вопросом: «Почему сразу не вызвал?» «Спать хотел, — талдычил им Виктор. Не выдержал наконец, сказал: — записали?! Идите на..!» «Смотрите! Вы ответите за ваше промедление и хамство!» — пригрозили ему. Витьке было все равно. Он опять уснул. Утром понял, что хоронить надо, но не на что. Позвонил начальнику

пожарной охраны города, с которым был в неплохих отношениях. Тот был добрейший мужик. Сразу по голосу Виктора понял, что мать умерла. Про болезнь ее он знал.

— Помощь нужна? — спросил пожарный.

— Да, — ответил Витька, — нужно два автобуса и сколько-нибудь денег. У меня вообще нет.

Он вдруг впервые заплакал, не сдержавшись. Пожарный почувствовал это.

— Автобусы будут. Денег немного, но долларов триста дадим. Что-то еще?

— Да! — сказал Витька, он вспомнил, как хоронили отца.

Это было двадцать четыре года назад. Отец умер молодым, в сорок четыре. Был он большой начальник и умер в Тольятти, руководил в тот момент стройкой термического цеха завода АвтоВАЗ. Зарплата отца с премией всегда была не менее тысячи рублей в месяц. Деньги громадные для 1977 года. Квартиру можно было купить за три тысячи. Отца хоронило семьсот человек. На поминки осталось триста. И стоили эти поминки три тысячи рублей. Как квартира. Все было статусно. Круто. И оркестр дорогой из двадцати трезвых, хорошо одетых, чисто играющих музыкантов был великолепен.

— Оркестр можете дать? — спросил Витька у пожарного начальника.

— Без проблем, — ответил пожарный.

Витька обрадовался страшно. Он понял, что есть все, чтобы было достойно. И главное — оркестр. На третий день, как и положено, хоронили. Людей было немного, около двадцати. Тетка прилетела из Америки и привезла пятьсот долларов. И все сложилось. И денег хватило.

Пятое февраля. Мороз был за тридцать. Как гробокопатели продолбили эту мерзлую землю, осталось для Витьки загадкой. Оркестр состоял из четырех музыкантов. День был выходной — мужиков обязали. Денег им не платили. Выпить для сугреву они отказались. Видимо, сочли это жалкой платой.

Процессия отделилась от прибывших автобусов, прошла крематорий. Еще метров триста. Все шли молча. В руках руководителя оркестра были помятые железные тарелки. Витька помнил его

по культурным мероприятиям пожарной охраны. В конце праздников, уже на пьянке, этот маленький, похожий на Луи де Фюнеса человек обязательно пел песню «А белый лебедь на пруду». Он пел ее одну. Неплохо, кстати. Пел он, обращаясь к какой-нибудь даме. Пытался ее зацепить. И всегда безуспешно. Витька вспомнил, наконец, его фамилию. Пузов. Пока Витька это думал, прошли еще метров сто.

— Играйте, — сказал он главному. — Играть надо, когда к могиле идут, — добавил.

Остальные трое музыкантов были духовые. Они, что называется, вдули. Пузов сдвинул тарелки. Ничего страшнее Витька не слыхал. Слух у него был абсолютный. Музыканты шарашили на полкирпича то выше, то ниже. Но страшнее всех был Пузов. Он ни разу не попал в такт. Витька вдруг хохотнул. На него посмотрели с неодобрением — кладбище как-никак, похороны. А Витька увидел вдруг со стороны этот нелепый оркестр. Себя, дурака. И захохотал совсем громко.

— Хватит, — сказал он Пузову.

— Мог бы не говорить, — парировал тот, — у нас губы и руки от мороза отваливаются, — так, видимо, объяснил он нестройную и нечистую игру их.

Пузов дал отмашку музыкантам: «Стоп!» На поминках тетка тихо сказала:

— Все очень достойно, Виктор. Молодец!

— А оркестр?

— Оркестр был прекрасен!

Витька вспомнил, что у тетки нет слуха. Вспомнил даже, что мать об этом как-то говорила. Он опять захохотал, буквально залился.

— Рехнулся малехо, — сказал кто-то, — мать шибко любил.

«Может, оно и правда», — подумал Витька, отсмеявшись.

Мать никогда не снилась ему. Вспоминал он ее редко и светло.

На кладбище бывал не чаще раза в год.